

ПЕТР ТЕЛУШКИН

История не сохранила нам точных сведений о жизни, трудах и смерти Телушкина. Известно, что был он крестьянином Ярославской губернии, кровельным мастером и силой владел недоужинной. В «Сыне отечества» в 1831 г. А. Оленин писал: «В октябре и ноябре прошлого 1830 г., смотря из моих окон на С.-Петербургскую крепость и на шпиг Петропавловского собора, как я, так и мои домашние и некоторые из наших знакомых всякий почти день любовались (но с крайним опасением и страхом) неимоверною смелостью Русского кровельщика». «Ярославской губернии казенный крестьянин, кровельного цеха мастер Петр Телушкин» пред-

ложил произвести, обходясь без дорогих лесов, починку креста и ангела на шпиге Петропавловского собора на высоте 122 м над землей.

Для подрядчиков на строительные работы требовался залог. Но предложение отважного кровельщика было столь смелым, что ему разрешили работать без залога: «Телушкин, как бедный мастеровой, не имея залогов, заложил, так сказать, жизнь свою в обеспечение принятого им на себя дела».

Телушкин шесть лет обдумывал это опасное предприятие, прежде чем выступить со своим предложением, которое он провел отлично. Он изобрел способ при помощи простой веревки вскарабкаться вверх по шпигу к основанию креста. При подъеме он учел даже такое обстоятельство, как раскачивание ветром шпица, и использовал эти колебания для того, чтобы у основания креста закинуть веревку, конец которой ветер пригнал ему обратно в руки. Взяв необходимые снасти, ранним утром Петр Телушкин поднялся на колокольню. Затем залез на балки, под самые слуховые окна и принялся расшивать дубовый потолок. Пробравшись внутрь шпиля, Телушкин оказался в кромешной темноте. Где-то на высоте в несколько сажен должны быть две неплотно прикрытые дверцы наружу, одна над другой, Телушкин их заранее рассмотрел с земли. Подтянувшись на руках, Петр встал на первую балку и полез по внутренним креплениям. Поднимался он в кромешной темноте, огонь зажигать опасался: кругом сухое дерево. Чем выше поднимался Телушкин, тем теснее становилось в шпиге, балки скрещивались все чаще. Наконец стало немного светать. Он добрался до первой дверцы. Еще одно усилие — и перед ним вторая дверца. Телушкин нажал ее плечом, и она распахнулась.

В лицо ударил сильный ветер, солнце мгновенно ослепило глаза. Протерев глаза, Петр глянул вниз — там, у собора, толпился народ. Люди казались крошечными. Толпа глядела вверх, многие подбрасывали шапки. Телушкин, высунувшись из дверцы, тоже глянул вверх. Он не увидел ни ан-

гела, ни креста — лишь золотое поле шпика уходило в высоту. Над дверцей, крепко вделанные в шпиль, виднелись один над другим железные крюки. Петр еще на земле сосчитал их — два десятка крюков до самого яблока, на котором стоит крест.

От дверцы до первого крюка восемь аршин, а дальше посажены они друг от друга в четырех аршинах. На этих-то крюках и построил свой расчет Телушкин. Но вначале нужно было опоясать шпиль веревкой. Петр высунулся из-за дверцы и сильным взмахом пустил по ветру вокруг шпика длинный конец веревки. Веревка беспомощно упала. Телушкин вновь бросил. И опять ничего не достиг.

Внизу толпа шумно наблюдала за его попытками. Телушкин оставил свои попытки и исчез в глубине шпика. Привязав веревку за балку внутри шпика, Петр Телушкин, перебирая руками веревку, спустился на золоченые листы.

Затем Телушкин начал медленно перемещаться в сторону, волоча веревку, другим концом закрепленную на поясе, и явно обходя шпиль. Видно было, как Петр передвигает руки, упираясь в нечто незримое. Многие догадались, что он ногтями хватается фальцы — тонкие загибы в тех местах, где скреплены листы обшивки. Так обошел он шпиль по спирали и, достигнув нижнего оконца, вошел в него.

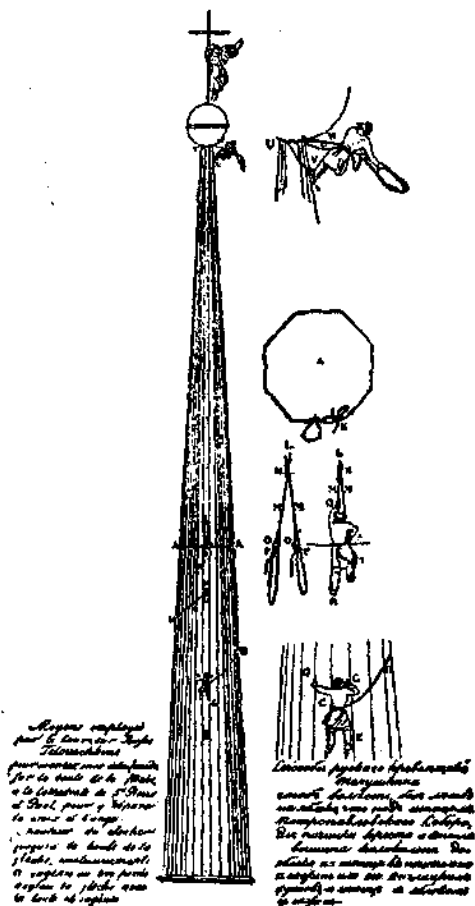
Смелчаку удалось охватить шпиль надежным поясом. Краями этого огромного пояса Петр и себя охватил, приладив движение петли ямским узлом так, чтобы их можно было без труда укорачивать. Веревочный пояс должен был держать Петра во время подъема ближе к шпилю. Опять встал Телушкин на порожек дверцы, с новыми веревками в руках и намерялся на первый крюк. Метнул веревку, и так удачно, что петля верви сразу попала на первый крюк.

Петр схватил отнесенный ветром конец, выровнял веревку. Хитроумную он придумал снасть. На завершающее шпиль. Вот оно уже стало огромным и заслонило небо. Из последних сил Телушкин шагнул вплотную к яблоку. Самое трудное было еще впереди: подползти по яблоку к основанию креста. Шпиль мерно и безостановочно ходил в воздухе. Здесь, на вершине, раскачивание было особенно явно. И оно может сослужить немалую службу. Начинало вечереть, усталость не проходила, но медлить было нельзя. Петр стал опутывать шпиль веревками, хорошо, тут он в поперечнике неширок. Он сделал два новых стремени, просунул в них ступни поглубже. Другой веревкой, тоже обернутой вокруг шпика, он крепко обхватил себя вокруг пояса. Туго затянул узлы, подергал веревки и... отпустил руки. Он повис на веревках в воздухе почти лежа. Теперь за краем яблока ему виднелось крыло ангела. Руки Петра теперь были свободны для самого трудного.

Телушкин собрал кольцами веревку, улавливая при этом колебания шпилья, согласно с ними размахнулся и бросил веревку вверх яблока. В первые разы она не долетала и падала обратно, потом застряла, пришлось ее сдернуть. Наконец наметав руку, Телушкин сумел кинуть веревку так, что она, охватив подножие креста, длинным концом вернулась обратно в руки. Тут же Петр стал вязать на веревке петли — одну завяжет, передернет, новую затянет. Так через некоторое время на краю яблока словно лесенка протянулась наверх: каждая петля — ступенька. Эту шаткую лестницу Телушкин намертво закрепил, потом подтянул себя к шпилью и отвязался.

Осторожно начал по петлям подниматься ввысь. Порой ноги выскальзывали, он повисал на одних руках, ощупью искал опору и упрямо поднимался вверх.

На крыше яблока стало гораздо легче. Телушкин наконец-то ухватился руками за крест, привязал себя и лег отдышаться. Петербург окутывался сумерками. В лучах заходящего солнца рыжела громада Адмиралтейства, еще не вышедший из лесов Исаакиевский собор уже погрузился во тьму. Наконец Телушкин обратил взгляд вниз и увидел, что толпа у собора разрослась. Народ, размахивая руками, приветствовал его. Телушкин поднялся на ноги и ответно помахал. Не теряя времени, Петр Телушкин принялся развязывать все веревки, что у него были, и связывать их друг с другом. Так получилась веревка длинной до самой земли, которую он спустил на землю. Затем, как было и условлено, уже в темноте, он поднял к себе на яблоко кипу связанных пеньковых жгутов, среди которых оказалась краюха хлеба, мясо и фляга с водой.

Починка Петром Телушкиным
 фигуры ангела и креста на шпилье
 собора в Петропавловской крепости

Немного привыкнув к темноте, всю ночь напролет Телушкин вывешивал и вязал пеньковую лесенку — трапку, и к утру лесенка была готова. Он протянул ее во всю длину шпилья и спустил к слуховым окнам колокольни.

Длина лестницы составила 26 сажень (сажень = 206 см), или 55 м. С того времени Телушкин каждый день, кроме особенно ненастных, поднимался по трапке на 122-метровую высоту на работу, в суме через плечо таща мастерской инструмент.

Нередко горожане специально приходили к Петропавловской крепости, чтобы посмотреть, как смельчак-верхолаз починяет ангела высотой 5 аршин (аршин = 72 см); видели, как тот сидит у ангела на крыле, починяя оное. То взберется на самую перекладину креста (в 9 аршин высотой) и спокойно прикрепит оторванные от него листы. Шесть недель длилась эта работа.

Бесстрашный Телушкин отлично выполнил ремонт. А. Оленин в «Сыне Отечества» весьма удачно завершает описание подвига Телушкина: «Может быть, иной скажет: «Все это прекрасно, а надобно еще посмотреть, хорошо ли Телушкин исправил все повреждения?» — Дело: для чего нет! — Он всегда готов свою работу оказать тому, кто согласится влезть на яблоко у шпилья по веревочной его лесенке, за неимением другого удобного хода!...»

После того, как в «Сыне Отечества» была напечатана статья Оленина, о Петре Телушкине заговорила вся Россия. И в народе его называли «небесный кровельщик». Через 110 лет после Телушкина верхолазы проверяли золоченую одежду Петропавловского шпилья. На дубовом переплете рамы, которая сохранилась и при позднейших переделках, они нашли сделанную краской роспись первого русского верхолаза.

На концах веревки были петли. Телушкин закрепил ноги в петлях на концах веревок, словно в стремях. Руками потянул одну веревку; правая нога, сгибаясь в колене, поднялась как для высокого шага. Закрепил веревку. Ухватился за другую; стала подниматься левая нога. Петр выпрямил колени и сразу поднялся на добрую половину роста, в то же время стянув поуже опояску вокруг шпилья.

Так был сделан первый шаг в высоту. Еще несколько шагов, и он смог отдохнуть, ступив на первый крюк. Забросить снасть на второй крюк было уже нетрудно, — расстояние вдвое меньше. Сильный ветер высоты свистел в ушах, мешал дыханию. Петр снова изловчился, опять забросил снасть на крюк и подтянулся. Короткая передышка, стоя на крюке, и снова вверх. Руки и особенно ноги наливались тяжелой усталостью. На каждом крюке приходилось отдыхать все дольше. Он все чаще поглядывал вверх. Приближаясь, все крупнее и крупнее становилось яблоко, завершающее шпиль. Вот оно уже стало огромным и заслонило небо. Из последних сил Телушкин шагнул вплотную к яблоку. Самое трудное было еще впереди: подпол-

эти по яблоку к основанию креста. Шпиль мерно и безостановочно ходил в воздухе. Здесь, на вершине, раскачивание было особенно явно. И оно может сослужить немалую службу. Начинало вечереть, усталость не проходила, но медлить было нельзя. Петр стал опутывать шпиль веревками, хорошо, тут он в поперечнике неширок. Он сделал два новых стремени, просунул в них ступни поглубже. Другой веревкой, тоже обернутой вокруг шпиля, он крепко обхватил себя вокруг пояса. Туго затянул узлы, подергал веревки и... отпустил руки. Он повис на веревках в воздухе почти лежа. Теперь за краем яблока ему виднелось крыло ангела. Руки Петра теперь были свободны для самого трудного.

Телушкин собрал кольцами веревку, улавливая при этом колебания шпиля, согласно с ними размахнулся и бросил веревку поверх яблока. В первые разы она не долетала и падала обратно, потом застряла, пришлось ее сдернуть. Наконец наметав руку, Телушкин сумел кинуть веревку так, что она, охватив подножие креста, длинным концом вернулась обратно в руки. Тут же Петр стал вязать на веревке петли — одну завяжет, передернет, новую затянет. Так через некоторое время на краю яблока словно лесенка протянулась наверх: каждая петля — ступенька. Эту шаткую лестницу Телушкин намертво закрепил, потом подтянул себя к шпилю и отвязался. Осторожно начал по петлям подниматься высь. Порой ноги выкальзывали, он повисал на одних руках, ощупью искал опору и упрямо поднимался вверх.

На крыше яблока стало гораздо легче. Телушкин наконец-то ухватился руками за крест, привязал себя и лег отдышаться. Петербург окутывался сумерками. В лучах заходящего солнца рыжела громада Адмиралтейства, еще не вышедший из лесов Исаакиевский собор уже погрузился во тьму. Наконец Телушкин обратил взгляд вниз и увидел, что толпа у собора разрослась. Народ, размахивая руками, приветствовал его. Телушкин поднялся на ноги и ответно помахал. Не теряя времени, Петр Телушкин принялся развязывать все веревки, что у него были, и связывать их друг с другом. Так получилась веревка длиной до самой земли, которую он спустил на землю. Затем, как было и условлено, уже в темноте, он поднял к себе на яблоко кипу связанных пеньковых жгутов, среди которых оказалась краюха хлеба, мясо и фляга с водой.

Немного привыкнув к темноте, всю ночь напролет Телушкин выверял и вязал пеньковую лесенку — трапку, и к утру лесенка была готова. Он протянул ее во всю длину шпиля и спустил к слуховым окнам колокольни.

Длина лестницы составила 26 сажень (сажень = 206 см), или 55 м. С того времени Телушкин каждый день, кроме особенно ненастных, поднимался по трапке на 122-метровую высоту на работу, в суме через плечо таща мастерской инструмент.

Нередко горожане специально приходили к Петропавловской крепости, чтобы посмотреть, как смельчак-верхолаз починяет ангела высотой 5 аршин (аршин = 72 см); видели, как тот сидит у ангела на крыле, починяя оное. То взберется на самую перекладину креста (в 9 аршин высотой) и спокойно прикрепляет оторванные от него листы. Шесть недель длилась эта работа.

Бесстрашный Телушкин отлично выполнил ремонт. А. Оленин в «Сыне Отечества» весьма удачно завершает описание подвига Телушкина: «Может быть, иной скажет: «Все это прекрасно, а надобно еще посмотреть, хорошо ли Телушкин исправил все повреждения?» — Дело: для чего нет! — Он всегда готов свою работу оказать тому, кто согласится влезть на яблоко у шпика по веревочной его лесенке, за неимением другого удобного хода!..»

После того, как в «Сыне Отечества» была напечатана статья Оленина, о Петре Телушкине заговорила вся Россия. И в народе его называли «небесный кровельщик». Через 110 лет после Телушкина верхолазы проверяли золоченую одежду Петропавловского шпика. На дубовом переплете рамы, которая сохранилась и при позднейших переделках, они нашли сделанную краской роспись первого русского верхолаза.

Источник:

Самые знаменитые изобретатели России / Автор-составитель С.В. Истомина. - М.: Вече, 2000 - 469с.